"Я не знаю, что за шутки вы себе позволяете, но это не смешно!" - кричала Харли, привалившись спиной к стене своей камеры, пот бисером струился по ее лицу, дыхание сбивалось и учащалось. Она не понимала, что происходит, не знала даже, делают ли с ней что-то или она просто сходит с ума, но она знала, что что-то не так. Пришла куча санитаров, надели на нее новую смирительную рубашку, а потом просто оставили ее в палате, заперев там и оставив, вместо того чтобы отвести ее туда, куда они хотели. Обычно они оставляли ее передвигаться по комнате, как заключенную, которая, по их мнению, не представляла опасности для них самих, но они появились из ниоткуда и связали ее без единого слова без всякой причины, и это заставило ее забеспокоиться.

Или, по крайней мере, это заставило ее волноваться в самом начале. Харли ждало гораздо худшее, чем просто быть связанной, поскольку отсутствие подвижности стало далеко не самой меньшей из ее проблем. Она чувствовала жар во всем теле, по телу пробегала дрожь, и она не знала, как ей помочь. "Сейчас не середина зимы, знаете ли!" - обратилась она к стражникам, надеясь, что они обратят на нее внимание. "Вам не нужна такая высокая температура, здесь как в сауне". Она не переставала потеть, чувствуя себя так, словно ее выпустили из комнаты, и с каждой минутой становилось только хуже, потому что жар был не против ее кожи, а под ней, жжение изнутри.

Жжение сосредоточилось между ее ног.

Харли не понимала, почему она такая мокрая, или почему повышенная температура в камере должна была так сильно возбуждать ее, но ее возбуждение неуклонно росло с того момента, как на нее надели смирительную рубашку, и это начинало становиться слишком невыносимым. Она застонала, откинула голову назад, потирая бедра. "Ну же, не делай этого сейчас", - простонала она. "Я даже не могу позаботиться о тебе в таком состоянии". Закипающее разочарование не прекратилось, так как трение мало чем помогло, но, конечно, дало ей искру, чтобы еще больше расстроиться, так как ощущение трения ног друг о друга напоминало ей о том, чего она сейчас лишена.

Состояние нужды, в которое погрузилась Харли, было почти трансовым, и она была настолько растеряна и измучена ощущениями, дергающими ее во все стороны, что начала хныкать от жалкого, нуждающегося безумия. Не было никакой причины для всего этого, никакого смысла в том, что с ней происходило, но Харли заставляла себя подавать бедра вперед, толкать воздух и кусать губы, пытаясь и безуспешно пытаясь сдержать зарождающееся возбуждение. "Кто-нибудь хочет выпустить меня из этого? Леди нужно заняться личными делами".

За пределами ее камеры группа охранников и санитаров не могла поверить своим ушам. Они с восторгом и потрясением слушали, как неуклонно растет возбуждение Харли, ее вокальные фрустрации и сексуальные желания издавали восхитительные звуки, и они поняли, что все это действительно работает. Их взгляды снова переместились в камеру Безумного Шляпника, где он, откинувшись назад, получал сиськоотсос от стонущей, возбужденной Женщины-кошки. Они подумали, что, возможно, эти двое были в сговоре, чтобы обмануть их ради какой-то странной выгоды, хотя цена за то, что им пришлось сосать член такого отвратительного и уродливого человека, как Тетч, оставляла их более чем неуверенными в этой теории заговора. Но все получилось, как и говорил Шляпник, и это открывало некоторые очень заманчивые возможности.

Безумный Шляпник выдвинул несколько очень четких требований: запчасти, рабочее место, ноутбук и Селина. В обмен он разработает механику, чтобы сделать свое первое творение домашним способом доминирования над Харли. Он обещал что-то простое, не столь радикальное, как кошечка, облизывающая головку его члена, когда она работает своими грудями вверх и вниз по нему, надевая свои кошачьи ушки и хвостовую затычку, когда она еще больше погружается в свою роль его любимицы. Харли просто должна была стать возбужденной круглые сутки и жаждать члена так сильно, что без разбора позволяла персоналу трахать себя круглые сутки. И вопреки всем ожиданиям, похоже, ему это удалось, и никто не знал, как с этим справиться.

"Мы пойдем туда?" - спросил кто-то.

"Подожди немного", - сказал другой. "Она ведь никуда не денется, верно?"

"Я никогда раньше не была такой возбужденной", - ныла Харли под своим дыханием. "Что со мной происходит?" Она не могла перестать извиваться, не могла подавить ноющую боль в своих чреслах, которая, казалось, разгоралась с каждым мгновением все сильнее. Она ничего не могла сделать ни для того, чтобы остановить его продвижение, ни для того, чтобы справиться с ним, так как она изо всех сил боролась со своими путами, смиренная рубашка удерживала ее конечности на месте вопреки всему, что она делала, заставляя ее оставаться на месте и подчиняться жесточайшей из похотей. Чем больше она старалась, тем хуже ей становилось, все жарче и жарче, пока, наконец, она не смогла больше терпеть, извиваясь на полу в безумной, судорожной ярости. Она горела, как рождественская елка, и ничто не могло ее остановить.

Харли чувствовала, как ее достоинство тает по мере того, как она теряет самообладание, а разочарованные движения бедер усиливаются. Она ничего не могла с собой поделать, так как толчки в животе привели ее в такое отчаяние и нужду, что она испустила неземной вой: "Мне нужен член! О, черт, мне так нужен член прямо сейчас. Это все, о чем я могу думать. Члены, члены, члены!"

Это был сигнал, которого они ждали, и счастливый охранник, который вытянул первую соломинку, шагнул к решетке, с улыбкой глядя на Харли. Она была такой нуждающейся развалиной, и вид ее, такой измученной и отчаявшейся, заставил его сильнее натянуть штаны, так как звуки разочарования довели его член до полумачты, но безумный взгляд ее глаз подтолкнул его к этому. "Ты так сильно хочешь члена?" - спросил он, ухмыляясь, когда потянулся вниз, чтобы расстегнуть молнию на брюках и прижаться к решетке. "Тогда иди сюда и начинай сосать". Он вытащил свой член и засунул его между прутьями, чувствуя себя на миллион долларов, ведь мечта почти каждого мужчины, работавшего в "Аркхэме", наконец-то сбылась.

От вида члена у Харли потекли слюнки, она задрожала и заскулила, вскарабкавшись на решетку, двигаясь быстро для человека без рук, она опустилась на колени, чтобы освободить последнее пространство, высунула голову вперед и высунула язык. Она быстро начала водить языком по головке члена, так как огонь в ней разгорался все жарче, и единственным способом, который, как она чувствовала, мог бы помочь ей преодолеть нахлынувшие на нее чувства, было протиснуться вперед и начать небрежно поклоняться каждому дюйму члена, который ей

представили. "Я так возбуждена", - ныла она среди влажных облизываний вверх и вниз по стволу, глядя уязвимыми, похотливыми глазами на охранника. "Вы поможете мне, не так ли? Мне так... мне так нужен член, и не только в рот. Мне нужно, чтобы кто-то меня трахнул".

"Отсоси мой член до конца, а я подумаю, как помочь разобраться с твоей киской", - сказал он, слегка толкаясь бедрами вперед. "Но сначала ты должна доказать, что хочешь, чтобы тебя трахнули. Ты ведь хочешь, не так ли?"

"Да, да, я так хочу, чтобы меня трахнули!" С Харли играли как со скрипкой, и она была слишком возбуждена, чтобы даже осознавать это, так как она подалась вперед и начала облизывать член со всех сторон, проводя языком по нему вверх, пробегая по всей длине и давая ему хорошее, подготовительное покрытие слюной. "А у тебя такой хороший, большой член. Это как раз то, что мне нужно, чтобы трахнуть меня, поэтому я собираюсь убедиться, что ты точно знаешь, какая я девушка!". Она счастливо хихикнула и добавила: "Сумасшедшие девчонки - лучшие членососки".

Переход от злобного, жестокого психа к хихикающей, возбужденной членососке был разительным, и никто из слушателей не мог поверить, что все это - грандиозный спектакль, в котором участвуют все. Было слишком много всего, слишком много движущихся частей, и когда Харли взяла член в рот и начала сосать его, она казалась такой жаждущей и нуждающейся. Ее голос звучал слишком реально, но еще большее отчаяние было в том, как она начала сосать член, без колебаний вбирая его в горло и захлебываясь мясистым членом, демонстрируя свою потребность и желание угодить, с удовольствием выполняя свою часть обмена. Горстка других охранников и санитаров, ожидавших в стороне, вышли и наблюдали за работой Харли, и то, что они увидели, не могло быть более убедительным.

В нетерпеливом стремлении показать, насколько она готова заслужить жаждущий траха член, Харли впилась в него ртом, покачивая головой вперед-назад. Она никак не могла себя контролировать, но во имя получения желаемого Харли не собиралась контролировать себя, отбросив всякое достоинство и приличия, набрасываясь на толстый член с единственной целью - получить удовольствие. Она нуждалась в этом настолько сильно, что даже не думала о стоимости обмена или о том, что отсасывает у охранника. Незнакомцу, чье имя она даже не знала. Не всасывая член мистера Джей, не пристраивая голову между зеленых бедер Рэд и не пожирая ее киску. Это был один из тех самых мужчин, которых она двумя днями ранее угрожала убить при следующей попытке побега.